

Д. АНГЕЛОВ

ВОССТАНИЕ АСЕНЕЙ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Восстановление средневекового болгарского государства в результате успешного восстания под руководством Асений является выдающимся событием в нашей многовековой, полной превратностей истории¹.

После неоднократных попыток освободиться болгарский народ наконец достиг желаний независимости, открывавшей путь для самостоятельного политического, общественного и культурного развития.

Продолжительное иноземное господство, когда болгарский народ испытал политический и социальный гнет в условиях византийской феодальной системы, не могло не отразиться неблагоприятно на всей его жизни. Это подтверждается свидетельствами источников разного рода, относящихся к этой эпохе. И все-таки болгары не были обезличены этнически и духовно и силы их для сопротивления не были сломлены. Одна из главных причин кроется, несомненно, в том, что завоевание Болгарии произошло в то время, когда болгарская народность уже сложилась как хорошо сплоченная этно-территориальная и этно-культурная общность с единым языком — славянским (древнеболгарским), специфической культурой, общим народностным самосознанием, которое нашло свое выражение в общем имени народности — болгары². Основное ее территориальное ядро составляли географические области Мисии, Фракии и Македонии, где в VI—VII вв. поселились славяне болгарской группы, постепенно слившиеся с пришедшими позднее протоболгарами. Это была именно «болгарская земля» — название, утвердившееся в сознании современников и нашедшее отражение на страницах древнеболгарских сочинений X в. как самое короткое и одновременно терминологически точное определение родины болгар³. Создание болгарской народности сопровождалось быстрым развитием просвеще-

¹ Литература: Успенский Ф. И. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879; Заатарски В. Н. История на българската държава през средните векове. С., 1934, т. II, с. 410 и след.; Мутафчиев П. История на българския народ. С., 1944, т. II, с. 33 и след.; Дуйчев И. Прочувания върху българското средновековие. — Сборник на българската академия на науките. С., 1945, кн. XII, с. 44 и след.; Он же. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология — Известия на института за българска история, 1956, т. VI, с. 327 и след.; Ангелов Д. История на България. С., 1961, т. I, с. 166 и след.; Он же. История на Византия. С., 1974, т. II, с. 218 и след.; Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII в. М., 1960, с. 427 и след.; Цанкова-Петкова Г. Към историята на въстанието през 1186—1187 г. — Известия на българското историческо дружество, 1979, т. XXXII, с. 61 и след.; Она же. България при Асеновци. С., 1978, с. 21 и след.; История на България. С., 1982, т. III. Втора българска държава. С., 1982, с. 117 и след.; Wolff R.-L. The second Bulgarian Empire, its Origin and History to 1204. — Speculum, 1949, Avril, XXIV, 2, p. 167 ff.; Van Dieën J. A. Niketas Choniates Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. В., 1971; Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates. — Byzantina, 1978, 10, S. 52 ff.; Tanašoka N. S. De la Valachie des Assenides au second empire bulgare. — Revue des études sudest européennes. Bucarezt, 1981, 3, p. 591 suiv. (с образом важнейших трудов румынских историков по вопросу о восстании Асений и характере созданного ими государства).

² Ангелов Д. Образование на българската народност. С., 1981, с. 196 и след.

³ Ангелов Д. «Българска земя», «българска страна», «българска държава», «българско царство», «България». — Palaebulgarica, 1980, кн. 3, с. 8 и след.

ния и письменности, появлением молодой, жизнеспособной интеллигенции — главного выразителя растущего самосознания болгар. Сопровождалось оно утверждением и имеющей сильное воздействие, передаваемой из поколения в поколение исторической памяти, которая выражалась в осознании общего прошлого, одинаковой политической судьбы, совместной борьбы и достижений, сплотивших славян и протоболгар в единое целое. Короче говоря, несчастье, постигшее болгарский народ с падением их государства в 1018 г., пришлось на то время, когда объективно и субъективно он достиг такой ступени развития, которая давала ему возможность не только сохраниться в условиях иноземного владычества, но и неоднократно подниматься на борьбу за восстановление утраченной независимости.

Неблагоприятные условия в период византийского владычества были, несомненно, серьезным препятствием для дальнейшего развития болгарского просвещения и письменности, как и для сохранения уже существовавших памятников письменности. И все-таки до нас дошли от этого периода некоторые древнеболгарские сочинения, которые позволяют нам понять образ мыслей болгарина, его представления о родной земле, о событиях далекого ему прошлого. Таким сочинением является так называемая «Болгарская апокрифическая летопись», созданная, вероятно, во второй половине XI в. Независимо от того, что это интересное сочинение содержит недостоверные, легендарные элементы, свидетельствующие о прекращении исторической традиции в условиях иноземного господства, оно все же свидетельствует о сохранении в значительной степени исторической памяти его неизвестного составителя. Верной является в общих чертах картина перечисленных в ней правителей «болгарского царства», стоявших у власти в течение нескольких веков. Особого внимания заслуживает вводная часть «Болгарской апокрифической летописи», где автор рассказывает о первых двух правителях — царе Славе и царе Испор, с деятельностью которых он связывает начало болгарского государства⁴. В образе царя Слава, который сам по себе является вымышленной, мифической фигурой, кроется, несомненно, обобщенное представление о «славянах», а Испор — это Исперих (или Аспарух), предводитель протоболгар. Мы видим, что, несмотря на большие потрясения, связанные с установлением византийского господства, память об этих великих событиях, относящихся к началу болгарской истории и свидетельствующих о взаимодействии славян и протоболгар, не померкла в сознании любознательного книжника.

Зная в целом хорошо прошлое своего народа, составитель «Болгарской апокрифической летописи» имел и точное представление о понятии «болгарская земля», которое часто встречается на страницах его сочинения. В пределы «земли болгарской», как видно из соответствующих пассажей, он включает те земли и области, в которых жили в течение ряда столетий славяне и протоболгары и которые составляли основное ядро болгарского царства и сформировавшейся в IX—X вв. болгарской народности. «Болгарская земля» для него прежде всего «земля Карвунская», т. е. северо-восточные болгарские земли и Добруджа, где, согласно его рассказу, поселился царь Слав и где построил Дристру и Плиску царь Испор⁵. «Болгарской землей» для него являются и области у реки Брегалница и Овче поле, там, где Борис крестил болгар и построил «белые церкви»⁶. В «земле болгарской», как следует из соответствующих мест, он помещает ряд городов Мисии, Черноморского побережья, Фракии, Софийской области, Македонии, западных окраин: Дристру, Плиску, Преслав, Никополь, Червен, Мотик (Димотику), Несебр, Пловдив, Серры, Морунец (Кавалу), Средец, Брезник, Ниш⁷. Если оставить в стороне допущенные неточности в вопросе о том, кто и когда создал эти города, представление, что они от-

⁴ Издана в кн.: *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С., 1925, с. 280 и след.

⁵ Там же, с. 281 и след.

⁶ Там же, с. 283.

⁷ Там же, с. 282, 283, 285, 287.

носятся к «болгарской земле», отвечает исторической действительности. И можно предположить, что такое представление было не только у составителя «Болгарской апокрифической летописи», но и у других его соотечественников. Короче говоря, иноземное владычество было не в состоянии уничтожить историческую память болгарина, заставить его забыть свое происхождение, забыть, как было создано его государство и какую территорию имела его родная земля.

Для «Болгарской апокрифической летописи» характерна вполне понятная в условиях византийского господства тенденция представить прошлое болгарского народа в лучшем свете и восхвалять дела его бывших правителей. Очевидно стремление составителя этого сочинения возвеличить болгарских царей как неутомимых строителей городов и сел, как правителей, заботящихся о своих подданных. Особенно ярко проявляется идеализация при описании царствований Симеона и Петра. «И тогда, — рассказывает летописец. — в то время, когда царствовал Симеон, он взимал от всей земли, от каждой области своего царства моток шерсти, ложку масла и яйцо в год. Это была его дань с его земли, с его людей, и ничего другого не брал он. И большое изобилие было в это время при царе Симеоне»⁸. А о времени царя Петра сказано: «И после его смерти принял болгарское царство сын его Петр и он был царем болгар и также греков. И царствовал он в болгарской земле, не имея ни греха, ни жены, и благословенным было его царство. Тогда в дни и годы святого Петра болгары имели изобилие всего, т. е. пшеницы и молока, и не было оскудения ни в чем, но была сытость и изобилие по божьей воле»⁹.

Особый интерес вызывает идея составителя «Болгарской апокрифической летописи» представить события, связанные с созданием болгарского государства, как дело, совершенное по воле самого бога. В таком духе составлена вводная часть, где говорится о том, что болгары поселились к югу от Дуная на территории, свободной от эллинов и ромеев, по указанию небесного повелителя, и что библейский пророк Исайя, как его представитель, показывал путь, по которому нужно было идти и царю Славу, чтобы достичь «Карвунской земли». Перед нами своеобразный болгарский вариант очень популярного в средневековую эпоху христианского провиденциализма, т. е. убеждения, что бог управляет жизнью и судьбами не только отдельных людей, но и целых народов и государств. Хорошо известно, что идеи христианского провиденциализма были важным элементом религиозно-политической доктрины Византийской империи, они использовались для доказательства благосклонности бога к «ромеем» как направляемому им, богоизбранному народу. Здесь, однако, на страницах «Болгарской апокрифической летописи», эти идеи получают совсем иную направленность, став религиозным документом для доказательства права болгарского народа восстановить свое государство, созданное в глубокой древности по воле самого бога!

В духе христианского провиденциализма составлен и другой интересный памятник болгарской литературы времен византийского господства, известный под названием «Солунская легенда»¹⁰. В отличие от «Болгарской апокрифической летописи», в которой бог представлен как инициатор создания болгарского государства, здесь ему отведена роль инициатора христианизации болгар и распространения славянской письменности. А исполнителем божьей воли был Кирилл Каппадокийский, личность, под которой, очевидно, подразумевается Константин-Кирилл Философ. Бог ему повелел, как гласит соответствующий пассаж, «идти к славянским народам, т. е. болгарам», крестить их и дать им книги. И здесь ряд достоверных сюжетных линий переплетается с вымышленными и неправдоподобными эпизодами. Значение «Солунской легенды» не следует, однако, оцени-

⁸ Там же, с. 283.

⁹ Там же, с. 284. Ср.: Ангелов Д. Общество и общественна мисъл в средновековна България (IX—XIV в.). С., 1979, с. 262 и след.

¹⁰ Издано в кн.: Иванов Й. Български старини из Македония. С., 1931, с. 282 и след.

вать только с точки зрения фактологической точности. Существенно воздействие проводимой в ней идеи, тот характерный для этого сочинения патриотический заряд, который не мог не оказать стимулирующего воздействия на самосознание болгар в годы иноземного владычества.

Стимулом, оказывавшим такое же воздействие, была и память о борьбе против завоевателей и о последних героических годах сопротивления. Особенно сильными были воспоминания о Самуиле, почти четверть века защищавшем болгарское государство от нашествий Василия II. Живы были эти воспоминания во время первого крупного восстания в 1040 г., когда взбунтовавшиеся болгары подняли на щит внука Самуила Петра Деляна, чтобы идти в бой под знаменем новоизбранного царя. Не заглохли они и после неудачного окончания восстания, но передавались из поколения в поколение. О том, как глубоко и прочно сохранялся в народной памяти образ Самуила, можно судить из одного интересного известия, которое содержится во вводных словах к «Похвальному слову» Димитрию Солунскому, составленному византийским автором Иоанном Ставракием во второй половине XIII в.¹¹ «В прошлые времена, и не очень давно, — начинает рассказывать автор жития, — владел болгарамы тот известный Самуил, который и до сих пор на устах у болгар» (ἐκράτει Βουλγάρων πρῶτον καὶ οὐ πάνυ τοι πρόην Σαμουὴλ ἐκεῖνος ὁ μέχρι τοῦ δεῦρο τῶν Βουλγάρων περιλαλοῦμενος στόμασιν). Не очень существенное на первый взгляд, но на самом деле очень показательное утверждение. Констатация того, что даже в столь отдаленный период, когда с момента завоевания Болгарии прошло около трех веков и болгарское государство было уже достаточно давно восстановлено, о Самуиле все еще непрерывно говорят, несомненно, свидетельствует о том, насколько сильными и действенными были воспоминания об этом болгарском правителе во время иноземного владычества, когда имя его и дела служили символами борьбы за освобождение.

Таким образом, сохранение народного самосознания, представлений об этно-территориальном и этно-политическом единстве, рост патриотических настроений в духе провиденциализма, которые подкреплялись прочными воспоминаниями о героическом прошлом, — все это отличало жизнь болгарского народа в течение почти двух веков иноземного ига. В такой обстановке возникло несколько антивизантийских движений в середине и во второй половине XI в. Первым из них было восстание Петра Деляна, поднятое в 1040 г. Центром его стал Скопье — в тот период главный город фемы «Болгария». Несмотря на сравнительно широкие масштабы, восстание, охватившее не только юго-западные болгарские земли, но и часть северной Греции и Албании, было жестоко подавлено.

В 1066 г. вспыхнуло восстание болгар в Фессалии, в котором приняли участие и жившие там влахи. Новое крупное восстание охватило западные и юго-западные болгарские земли в 1072 г., когда во главе болгар стал боярин Георгий Войтех, а царем был провозглашен Константин Бодин, сын тогдашнего сербского правителя Зеты Михаила. И опять, несмотря на первоначальные успехи, восстание окончилось неудачей. Вскоре после этого, в 1074 г., против византийской власти поднялось население Дристры и других дунайских городов под предводительством Нестора, высшего византийского сановника в феме, вероятно, болгарина по происхождению. В 1079 г. вспыхнули два локальных бунта: один в Несебре во главе с неким Добромиром, другой — в Средеце под руководством павликианина Леки. Новое крупное антивизантийское движение, во главе которого стоял павликианин Травл, охватило в 1084 г. район Пловдива с центром в крепости Белятово¹².

Антивизантийские выступления в рассматриваемый период были тесно связаны с усилением еретических движений павликиан и богомилов. Об

¹¹ Издано в кн.: Ψηρίτου Π. Σταυρικού λόγος εἰς τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου. — Μακεδονικά, 1940, I, 324 с. Греческий текст с болгарским переводом в: ГИБИ, 1980, X, с. 127 и след.

¹² О восстаниях против Византии в XI в. ср.: История на България, т. III, с. 28—34, 68—75.

этом свидетельствуют события времен правления Алексея I Комнина (1081—1118). Бросается в глаза одна деталь в дуалистических взглядах богомилов, а именно их утверждение, что главный представитель злой силы, Сатанаил, живет в царьградской церкви св. Софии¹³. Так под знаком религиозной аргументации обосновывалось враждебное отношение к византийскому церковному институту, главной опоре власти ромеев.

Анализ материала источников показывает, что восстания обычно вспыхивали в условиях усиления недовольства, вызванного непопулярными финансовыми мероприятиями константинопольских правителей или злоупотреблениями и насилиями ромейской администрации. Так, восстание Петра Деляна было поднято в связи с проведенной в 1040 г. налоговой реформой, заменившей для болгарского населения натуральные подати на денежные. Мятеж болгар и влахов в Фессалии был результатом введения дополнительных налоговых обложений по приказу византийского императора Константина Дуки. Восстание Георгия Войтеха было вызвано большими злоупотреблениями и произволом византийского высшего сановника Никифорицы.

То, что антивизантийские настроения проявлялись бурно, когда затрагивались жизненные интересы населения различных областей болгарских земель, вполне понятно. Однако было бы неверно делать обобщающий вывод, что это было решающей предпосылкой восстаний и бунтов и что к этому вообще сводилась их сущность. Экономический фактор мог быть определяющим и единственным только для некоторых местных, стихийно вспыхивавших недовольств, но не для крупных, массовых движений, какими были восстания Петра Деляна и Георгия Войтеха. Движущим мотивом в них было не просто желание прекратить злоупотребления и насилия, связанные с повседневной действительностью, а стремление сбросить византийское господство и восстановить болгарское государство. Другими словами, это были восстания народа, борovéhoся за свою свободу. Совершенно верной является констатация византийского писателя Иоанна Скилицы, который, рассказывая о начале восстания Петра Деляна, отмечает, что оно было результатом стремления сбросить иноземное господство. «Болгары,— говорит он,— которые недавно склонили выи под ярмо, стремились очень к свободе» (*καὶ τὸ γένος τῶν Βουλγάρων πρὸ ὀλίγου τὸν τράχηλον ὑπέβαλον τῇ δουλείᾳ καὶ λίαν ὀριγνόμενον ἐλευθερίας*)¹⁴. В соответствии с поставленной целью был избран царь будущего освобожденного болгарского государства — Петр Делян. Так было и во время восстания Георгия Войтеха, когда болгары, надеясь на успех, избрали царем Константина Бодина. Можно предположить, хотя для этого и нет прямых данных, что идеи освобождения от византийского господства и восстановления болгарского государства не были чужды и восставшему в 1074 г. болгарскому населению Дристры и других дунайских городов под руководством Нестора.

Тем, что крупные антивизантийские восстания в XI в. носили политический, народно-освободительный характер, объясняется возникавшее в ходе их развития сотрудничество между различными слоями болгарского общества. И бояре, и горожане, и крестьяне, и православные, и богомилы объединялись во имя общей цели, чтобы поднять оружие против угнетателей. Организующую и направляющую роль обычно играли представители боярской аристократии, так как они располагали большими богатствами и влиянием, а основной движущей силой было население сел и городов. Не всегда, однако, это сотрудничество и взаимодействие осуществлялись до конца. Известно, что во время восстаний Петра Деляна и Георгия Войтеха некоторые болгарские бояре, руководствуясь личными интересами, стали на сторону византийской власти. Это обстоятельство наряду с другими факторами существенно повлияло на исход борьбы болгарского народа за освобождение от иноземного ига.

¹³ Ср.: Ангелов Д. Богомилството в България. С., 1980, с. 337.

¹⁴ *Georgii Cedrini Compendium Historiarum.*— ГИБИ, VI, с. 302.

Наступившее после поражения восстаний XI в. относительное затишье не означало, что болгары примирились с отведенной им участью и перестали реагировать на произвол и насилия, тяжелые подати и повинности, непрестанные войны, в которых они были вынуждены участвовать против своей воли¹⁵. Спокойствие было только видимым, а в действительности накопленное за долгие годы негодование и глубокая тайная надежда на освобождение от иноземной власти не угасали. Так дело дошло до восстания Петра и Асеня.

В отличие от восстаний Петра Деляна и Георгия Войтеха, которые охватили западные и юго-западные болгарские области, центром нового восстания стали земли между Дунаем и Стара-Планиной, выделенные после завоевания Болгарии в 1018 г. в особую фему «Паристрион» (Подунавье). И здесь, как и в остальных болгарских землях, подпавших под византийскую власть, положение местного болгарского населения начало быстро ухудшаться. Помимо произвола и насилий ромейской администрации, дополнительным фактором стали набеги живших к северу от Дуная печенежских племен, которые часто переходили реку и занимались грабежами. Настоящий хаос наступил после 1048 г., когда огромные массы печенегов перешли Дунай и продвинулись далеко на юг. В течение пяти лет они свирепствовали на равнинах Мисии, разоряя многие города и села¹⁶. Среди них была и древняя болгарская столица Плиска, которая, как показали проведенные в последние годы археологические исследования, с середины XI в. пришла в упадок. После удара, нанесенного печенегами, последовало не менее опустошительное нашествие родственных им племен (в 1064 г.)¹⁷. Непokoйными были дни для жителей Паристриона и в начале царствования Алексея Комнина, когда сам император чуть не попал в плен во время одного похода против печенегов. И только после битвы у Левуниона летом 1091 г. были пресечены устремления опасных пришельцев.

Едва исчезла печенежская угроза, а на дунайской границе появились новые соседи — куманы. Придя из степей Центральной Азии, большая часть куманских племен, родственных по языку и быту печенегам и узам, появилась, после непрестанных столкновений с южнорусскими князьями, к 70-м годам XI в. на Нижнем Дунае. Вытеснив разгромленных печенегов, куманы заняли их земли во Влахии, Молдове и Трансильвании. По имени новых пришельцев вся эта территория начала называться Куманией¹⁸.

Как типичные номады, находящиеся в постоянном движении и в поисках добычи, куманы стали страшным бичом для своих соседей. Летом они перемещались со своими стадами в предгорья Карпат, откуда предпринимали набеги на Трансильванию и Венгрию, а с октября по апрель переносили свои жилища на юг во влашскую низменность. Оттуда им было легко переходить Дунай и вторгаться в фему Паристрион. Об их нападениях упоминается под 1114, 1147, 1154, 1160 гг.¹⁹ Последствиями были, с одной стороны, ослабление византийской власти, с другой — бедствия местных жителей, и прежде всего крестьян.

Несмотря на ряд нашествий, в феме Паристрион в середине и второй половине XII в. была довольно густая сеть поселений сельского и городского типа. Большинство из них существовало еще в период Первого Болгарского царства, а некоторые возникли во время византийского гос-

¹⁵ Тивчев П. За участието на българи въз византийската войска през периода на византийското иго (1018—1185 гг.). — Исторически преглед, 1968, кн. 1, с. 79 и след.

¹⁶ Ср.: Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. С., 1934, т. II, с. 88 и след.; Ангелов Д. История на Византия, т. II, с. 115 и след.; История на България, т. III, с. 63 и след.

¹⁷ История на България, т. III, с. 65.

¹⁸ Ср.: Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — In: *Seminarium Kondakovianum*, 1931, VI, p. 1—64; *Malingoudis Ph.* Op. cit., S. 101.

¹⁹ Златарски В. Н. История..., т. II, с. 218, 385, 395; Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав — гранична зона на Византийския запад: Към историята на северните и североизточните български земи, края на X—XII в. С., 1976, с. 104—107.

подства. Особенно развитой была сеть поселений на правом берегу Дуная, где был расположен ряд хорошо укрепленных городов, таких, как Никополь, Свиштов, Русе, Дристра, Новград, Тутракан, Вичина, Обруштица, Капидава, Хырсово, Килия, Ликостомо²⁰. На Черноморском побережье наиболее крупными были города Варна и Карвуна. Значительными были и города в равнинной области между Дунаем и Стара-Планиной, такие, как древняя болгарская столица Преслав, Шумен, Разград, Ловеч, Овеч (Провадия), Диния и др. Сведения о них можно найти в сочинении арабского географа Идриси от 1152 г.²¹ И наконец, была группа поселений (Вырбица, Грамени и др.), расположенных на склонах Стара-Планины²². Византийский историк Никита Хониат характеризует их как «многочисленные и труднодоступные крепости», построенные на «крутых скалах и вершинах, достигающих неба».

Среди городов в Паристрионе, упоминаемых в конце XII в., есть и Тырново, имя которого встречается тогда впервые в письменных источниках. Археологические исследования показывают, что этот город поднялся на месте древнего фракийского, а позднее византийского поселения V—VI вв. Об истории города в период Первого Болгарского царства нельзя сказать ничего определенного из-за отсутствия письменных источников и крайней скудости археологического материала. Можно предположить, что Тырново начало развиваться интенсивно в XII в. и что в то время, когда вспыхнуло восстание Асений, оно уже представляло собой значительный центр²³. По словам Хониата, который, вероятно, его посещал, Тырново был «самым укрепленным и красивым из всех городов у Гема, окружен прочными стенами, пересечен небольшой рекой и построен на вершине горы»²⁴.

Густая сеть поселений в феме Паристрион в рассматриваемый период свидетельствует о наличии здесь довольно значительного населения, издавна и прочно осевшего в землях между Дунаем и Стара-Планиной. Это были болгары — жители городов и сел, потомки тех поколений, которые создали некогда славяно-болгарское государство и его высокую культуру в период Первого Болгарского царства в таких городских центрах, как Плиска, Преслав, Дристра, Шумен, Ловеч и др. Основным занятием болгарского населения было сельское хозяйство (земледелие и животноводство), развитие получили и некоторые виды ремесел. Существовал оживленный торговый обмен между городом и селом, если судить по числу найденных от этого времени византийских монет²⁵. Болгары составляли главную ударную силу, которой ромейские правители доверяли охрану дунайской границы от набегов печенегов, узов, куманов. Известно, например, что в 1064 г., во время нападения узов, первый их удар принял

²⁰ Ср.: Български средновековни градове и крепости по Долни Дунав и Черно-море/ Състав. А. Кузев и В. Гюзелев. Варна, 1981, с. 94 и след.; *Рашев В.* Старобългарски укрепления по Долни Дунав (VII—X в.). Варна, 1982, Средновековният български град: Сборник от доклади и научни съобщения изнесени на конференция на българското историческо дружество в град Велико Търново през 1979 г. С., 1980.

²¹ *Недков Б.* България и съседните ѝ земи през XII в. според Идриси. С., 1960, с. 75, 79, 81. *Овчаров Д., Тотев Т., Попов А.* Стари български столици — Плиска, Велико Преслав, Търновград. С., 1980.

²² *Nicetae Choniatae Historia.* Vonnae, 1835, p. 482. = ГИБИ, 1983, XV, с. 26. Новое издание: *Van Dielen J. A.* *Nicetae Choniatae Historia.* В., 1972. Цитаты в данной статье приводятся по бонскому изданию текста.

²³ Ср.: *Ангелов Н.* Средновековният град Търново според изворите от XII—XIV в. и досегашните археологически проучвания. — В кн.: Известия на окръжния музей в Търново, 1964, т. III, с. 1 и след.; Царевград-Търнов, I/Под ред. К. Миятева, Д. Ангелова, С. Георгиева, Т. Герасимова. С., 1973, с. 259 и след., 337; *Николова Я.* Устройството на средновековния Търновград. — Вестник Велико Търново, 1977, януари; *Попов А.* Търновската Велика Лавра. — Вестник Велико Търново, 1979, март; *Николова Я.* По някои проблеми на материалната култура в средновековна България (края на XII—XIV в.). В. Търново, 1982, с. 32 и след.; *Овчаров Д., Тотев Т., Попов А.* Указ. соч., с. 37 и след.

²⁴ *Nic. Chop. Hist.*, p. 487 = ГИБИ, XI, с. 51.

Ср.: Стопанска история на България 681—1981 г. С., 1981, с. 53, и след.; *Лишев С.*

²⁵ Българският средновековен град. С., 1970, с. 36 и след.

на себя болгарское население придунайских городов, представлявших собой аванпост оборонительной линии фемы Паристрион. Рассказывая об этом событии, византийский историк Михаил Атталиат отмечает, что, несмотря на оказанное сопротивление, узы «победили болгар и остальных воинов» (τοὺς βουλγάρους καὶ τοὺς λοιποὺς στρατιώτας καταγωνίσαντο),²⁶ после чего стремительно продвинулись на юг.

Наряду с болгарами, составлявшими в течение ряда веков основную массу жителей между Дунаем и Стара-Планиной, на склонах Стара-Планины жили владыки — пастухи, основным занятием которых было животноводство; они передвигались с места на место со своими стадами, подобно владыкам других горных районов Балканского полуострова. Краткую и точную характеристику этого пастушеского населения дает Анна Комнина, чье сочинение относится к концу XI и первым десятилетиям XII в. «Владыками, — говорит она, — народный язык называет тех, кто ведет кочевую жизнь» (ὁλοσσοὶ τὸν νομάδα βίον εἰλοντο βλάχοις τοὺτους ἢ κοινῇ καλεῖν οἷδε διάλεκτος)²⁷. В определении «кочевая жизнь», употребленном византийской писательницей, содержится представление не только о непрерывном движении, но и об отсутствии постоянных, хорошо устроенных поселений городского и сельского типа, характерных для прочно осевшего и крепко связанного с землей населения, каким были болгары.

Быт и обычаи кочевников, занимавшихся преимущественно коневодством, принесли с собой и вторгнувшиеся в фему Паристрион после 1048 г. печенеги. Их образ жизни византийский писатель Михаил Атталиат охарактеризовал как «жизнь скифскую» (τὸν σκυθικὸν βίον)²⁸, противопоставляя ее жизни местного населения. И они в своем непрерывном движении останавливались не в прочных, хорошо устроенных поселениях, а во временных военных лагерях, называемых ἐπαύλεις. С течением времени, однако, поселившись между Дунаем и Стара-Планиной, они постепенно приспособились к новым условиям, приняли христианство, изменили свои обычаи, начали заниматься земледелием и ремеслом. Шел процесс ассимиляции с местным населением, при котором болгарский элемент, более многочисленный и значительно более культурный, преобладал и в конечном счете победил.²⁹

Из сравнительно немногочисленных данных о социальной структуре населения Паристриона можно заключить, что преобладающую часть жителей составляли средние и мелкие поземельные собственники и ремесленники. Нет данных о наличии феодального класса ромеев, и поэтому допустимым является предположение Г. Г. Литаврина, что в феме Паристрион преобладало свободное крестьянство, организованное в общины³⁰. Отсутствие византийских феодалов не означало, однако, что среди населения Паристриона не было богатого и влиятельного слоя местных жителей, к которым применимо условное наименование «боляре». О местной знати, обозначенной как «самые видные среди варваров» (τὰ φίλτατα τῶν βαρβάρων)³¹, упоминает Никита Хониат при описании событий, связанных со вторым походом Исаака II Ангела против болгар. Из среды местной аристократии не византийского происхождения выдвинулись, вероятно, и вожди восстания — Петр и Асень.

²⁶ *Micaelis Attaliotae Historia.* — ГИБИ, XI, с. 175. Об этом эпизоде рассказывает и Скилица. См.: ГИБИ, XI, с. 331.

²⁷ Ср. соответствующий текст в издании: *Leib V. Anne Comnene. Alexiade.* P., 1943, VIII, III, 4; *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965, с. 232.

²⁸ См.: ГИБИ, VI, с. 183.

²⁹ *Angelov D. Die bulgarischen Sklaven und die Nomaden (VI—XII, Jahr).* Nach Angaben von schriftlichen Quellen. — В кн.: Плиска — Преслав, 3. София, 1981, с. 11 и след.; *Он же.* Образуване на българската народност. С., 1981, с. 350 и след.

³⁰ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия..., с. 428.

³¹ *Nic. Chon. Hist.*, p. 515 = ГИБИ, XI, с. 33. О наличии болгарского боярского сословия в землях между Дунаем и Стара-Планиной накануне восстания см.: *Златарски В. Н.* История..., ч. II, с. 419 и след.; *Андреев М., Ангелов Д.* История на българската феодална държава и право. С., 1972, с. 134; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия..., с. 428.

Господство ромеев в Паристрионе осуществлялось посредством посланных туда византийских гражданских и военных чиновников, которые исполняли приказы царьградских правителей. Но византийская власть не везде была одинаково сильной. Больше всего ее присутствие ощущалось в крупных городских центрах, где были византийские воинские части, и вообще в равнинной области, более доступной для контроля и наблюдения, имевшей лучшую и безопасную сеть дорог. Гораздо слабее была власть ромейской администрации в труднодоступных поселениях на склонах Стара-Планины. Там не угас свободолюбивый, независимый дух горцев, привыкших жить независимо и готовых воспрепятствовать любой попытке затронуть их жизненные интересы. Не случайно, говоря о горных поселениях на Геме, укрепленных неприступными твердынями, Никита Хониат отмечал, что их жители «держались высокомерно с ромеями» и «были дерзкими из-за крепостей, которые были очень многочисленны и торчали на отвесных скалах»³². Это интересное наблюдение объясняет, почему именно данные области стали первоначально центром восстания, организованного Асенем и Петром.

Более свободолюбивым духом отличались и жители придунайских городов, которым было доверено охранять границу от нападений печенегов, узов и куманов. Располагая оружием и непрестанно отбивая вражеские набеги, местные болгары получили хороший боевой опыт, передаваемый из поколения в поколение в силу обязательства несения военной службы. А этот боевой опыт мог превратиться из оружия, используемого византийской властью, в оружие, направленное против нее, как случилось, например, когда в 1074 г. восстало население Дристры и других придунайских городов под руководством Нестора.

Между тем положение Византийской империи к 80-м годам XII в. стало резко ухудшаться. После относительно стабильности центральной власти при Комнинах взяли верх разъединительные тенденции и участились проявления политического сепаратизма. Напрасными оказались попытки последнего представителя Комнинов Андроника I (1183—1185) ограничить эти тенденции суровыми мерами, направленными против крупной земельной аристократии. Вступивший на престол после свержения Андроника Исаак II Ангел (1185—1195) полностью находился под влиянием феодальной верхушки, и процесс внутреннего распада продолжался с еще большей силой. А это вело к военному и финансовому ослаблению государства и уменьшало его способность оказывать сопротивление многочисленным врагам — куманам, туркам-сельджукам, венграм, норманнам.

Апогея кризис достиг между 1183 и 1185 годами, когда возникла военная угроза с двух фронтов. С северо-запада на империю напали венгры в союзе с сербским жупаном Стефаном Неманей, который давно стремился освободиться от вассальной зависимости от Константинополя. Не встретив серьезного сопротивления, сербы и венгры проникли глубоко на византийскую территорию и взяли Белград, Браничево, Ровно, Ниш и Средец.³³ Спустя два года последовал удар со стороны старого врага Византии — норманнов, которые неоднократно пытались овладеть ее юго-западными балканскими землями и теперь нашли удобный случай для начала военных действий. Мощным приступом они взяли Драч, после чего продолжали наступление в сторону Солуни. 24 августа 1185 г. после кратковременной осады город был захвачен и жестоко разграблен.

В этой тяжелой для империи обстановке возникли предпосылки для подготовки нового восстания болгар за освобождение от византийской власти. Центром восстания стала фема Паристрион, а его предводителями — два брата, Асень и Петр.

Впервые Петр и Асень упоминаются в связи с одним эпизодом осенью 1185 г. Братья явились к византийскому императору Исааку II Ангелу в Кипселлы (совр. Ипсала на Мраморном море). К этому времени визан-

³² *Nic. Chron. Hist.*, p. 482 = ГИВИ, XI, с. 26.

³³ Об этих событиях см.: *Ангелов Д.* История на Византия, т. II, с. 215 и след.; История на България, т. III, с. 117 и след.

тийцы достигли первых успехов в войне против норманнов, и Исаак II Ангел готовился к новому походу. Братья обратились с просьбой, «чтобы их зачислили в войско ромеев и дали им императорскую грамоту на владение одним малоходным поселением, которое находилось у Стара-Планины» (συστρατολογηθῆναι Ῥωμαίοις καὶ διὰ βασιλείου γράμματος σφίσι βραβευθῆναι χώριον τι βραχυπρόσδοον)³⁴.

Это говорит о том, что Петр и Асень хотели быть включенными в сословие проиаров, т. е. получить поземельное владение за обязательство несения военной службы³⁵. А отсюда можно заключить, что братья не были рядовыми подданными, но принадлежали к какому-то влиятельному, богатому роду в феде Паристрион. Это подтверждается и введенными в последние годы археологическими раскопками в так называемом Новом граде и в «Великой лавре» в Тырново. Именно там, возле реки Янтры, у подножия Царевца и Трапезицы, находились, вероятно, родовые владения Асений как одних из наиболее видных и богатых жителей города. О том, что они обладали немалым достатком, говорит тот факт, что они могли построить на свои средства церковь св. Димитрия, ставшую вскоре после этого местом провозглашения восстания.

Относительно этнической принадлежности Асеня и Петра высказывались различные мнения. Скорее всего, следует согласиться с тем, что они — смешанного, болгаро-куманского происхождения³⁶. На это указывает имя Асень, которое все серьезные исследователи считают куманским. Куманским является прозвище Белгун, которое добавлено к имени Асень в синодике Борила. О связи двух братьев с куманами свидетельствует косвенный факт, что во второй фазе восстания в качестве союзников были привлечены и приняли активное участие куманские отряды. Конечно, вопрос о происхождении Асений не имеет решающего

³⁴ Nic. Chon. Hist., p. 482 = ГИБИ, XI, с. 26.

³⁵ Ср.: Златарски В. Н. История..., т. II, с. 438 и след; Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1963, S. 333; Дуйчев И. Въстанието..., с. 340. История на България, т. III, с. 118; По мнению П. Мутафчиева (Произходът на Асеновци. — Избр. прозив. С., 1931, т. VI, с. 152). Асень и Петр хотели, чтобы им было доверено военное командование в Дунайской Болгарии, а вместе с этим под их власть или в родовое владение перешли бы некоторые крепости или земли. Думаю, что для такого широкого толкования просьбы двух братьев нет достаточных оснований. По мнению Малингудиса, трудно доказать, что по своему социальному происхождению Асень и Петр принадлежали к сословию местной боярской аристократии. На основании одного известия в хронике Робера де Клари, в котором говорится о третьем брате Калояне, он считает, что в сущности, это известие относится к Асеню. Согласно Малингудису, Асень «принадлежал к группе осевших куманов, которые были на службе у императора со своими конными контингентами в землѣх за Стара-Планиной, и поэтому им были даны привилегии» (Malingoudis Ph. Op. cit., S. 86).

³⁶ Ср.: Златарски В. Н. Потеклото на Петра и Асена, водачи на въстанието в 1185 г. — В кн.: Списание на българската академия на науките. С., 1933, кн. XV, с. 7—48. На куманско происхождении братьев настаивает, приводя новые соображения, Малингудис (Malingoudis Ph. Op. cit., S. 83), который считает, что в роде Асений были и славянские имена (Ibid., S. 139 f.). По мнению П. Мутафчиева (Произходът на Асеновци. — Македонски преглед, 1928, 3, с. 1—42), Асень и Петр происходили из среды поселившейся к югу от Нижнего Дуная в период византийского владычества русской аристократии, хотя уже прониклись болгарским самосознанием в духе государственных традиций Первого Болгарского царства. В «История на българския народ» (С., 1944, т. II, с. 33) П. Мутафчиев кратко отмечает, что братья имели «руско-куманское происхождение». Нет никаких оснований для мнения, что Асени были потомками древних болгарских царей, как утверждает В. Николаев (Потеклото на Асеновци и этническият характер на основаната от тях държава. С., 1950; ср. рец. Д. Ангелова: Исторически преглед, 1947, кн. 3, с. 374 и след.). Лишены оснований и мнения некоторых историков о валашском происхождении братьев. (Ср.: Vinescu N. Un problème d'histoire médiévale création et caractère du second empire bulgare (1185). Bucurest, 1943; Tanašoka N. S. De les Assenides au second empire bulgare. — RESEE, 1981, XIX, 3, p. 591). Г. Г. Литаврин (Болгария и Византия..., с. 433) считает не без основания, что вопрос о происхождении двух братьев не имеет решающего значения, существенным является то, что они возглавили восстание за восстановление болгарского государства. Такого же мнения придерживается Б. Примов (Създаването на Втората българска държава и участието на власите. — В кн.: Българо-румынски връзки и отношения през вековете. Изследвания XII—XIX вв. С., 1965, с. 17).

значения. Главным является то, что они стали во главе болгарского народа в его борьбе за освобождение от византийского владычества и что все их усилия и действия свидетельствуют об осознании ими принадлежности к болгарскому народу и государству.

Просьба Петра и Асеня, как свидетельствует Никита Хониат, была отклонена. Можно предположить, что Исаак II Ангел сомневался в искренней готовности братьев служить в войске ромеев. Раздосадованный отказом Асень, который, по словам Хониата, «был грубым и невыдержанным», позволил себе возразить императору, за что Исаак Ангел приказал дать ему пощечину. Братья вернулись домой, пригрозив, что отомстят за себя, и намекнули на «восстание». Вероятно, идея поднять восстание зрела у них и раньше, и теперь появился подходящий повод для ее осуществления.

Фактором, который благоприятствовал дальнейшему ходу событий, явилось начавшееся сильное брожение среди болгар. Причиной послужило внеочередное налоговое обложение, введенное Исааком II Ангелом в связи с заключением осенью 1185 г. мира между Византией и Венгрией и его женитьбой на дочери венгерского короля. По этому случаю император приказал собрать по всей стране огромное количество свиней, овец и волов. «И так как болгарская земля, — объясняет Византийский историк Георгий Акрополит, — выращивала больше, чем другие, этого скота, то с нее было взыскано наибольшее количество»³⁷. Об обложении внеочередной податью говорит и Никита Хониат, который также связывает его с женитьбой Исаака Ангела. Принятая мера вызвала возмущение болгар, и они, «сочтя основательным предлогом» конфискацию их стад, ринулись в «открытое восстание» (εἰς ἀποστασίαν λαμπράν)³⁸. Недовольство охватило не только болгар, но и владхов-пастухов, которые пасли свои стада на склонах Стара-Планины. Волнения из-за новой подати отмечались и в некоторых поселениях к югу от Стара-Планины — в приморской Фракии, среди них Хониат упоминает Анхиало.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Петр и Асень приступил к осуществлению задуманного дела. В связи с освящением построенной двумя братьями церкви св. Димитрия в Тырново там собралось много народу, и Асени сочли, что настал удобный момент для объявления восстания.

Вот как об этом рассказывает Никита Хониат: «Братья возвели молитвенный храм в честь великомученика Димитрия. Они собрали в нем множество бесноватых из обоих народов (ἐξ ἑκατέρου γένους) с налитыми кровью и выпученными глазами, с распушенными волосами, т. е. со всеми признаками людей, одержимых бесами. Они внушили этим бесноватым, чтобы те повторяли, что бог соблаговолил даровать свободу народу болгар и владхов (τῶν Βουλγάρων καὶ τῶν Βλάχων) и согласился на избавление от длительного ига. Поэтому и христов мученик Димитрий оставил главный город солунцев и тамошний храм, и свое пребывание среди ромеев, и пришел к ним, чтобы быть им помощником и покровителем на деле... Внезапно эти помеланные люди пришли в еще большее волнение... и начали кричать иступленно и пронзительно, что не время сидеть, но надо браться за оружие и идти против ромеев». «Увлеченный этими пророческими словами, — заканчивает рассказ Хониат, — весь народ взялся за оружие (ὄλον τὸ γένος ἐξομιληθέντες τῶν ὄπλων ἅπαντες γίγονται). А так как им сразу же сопутствовал успех в восстании, они еще больше уверились в том, что бог благосклонно смотрит на их освобождение»³⁹.

³⁷ Ср.: *Georgii Acropolitae Opera/Rec.* A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, S. 18 = ГИБН, VIII, с. 153.

³⁸ *Nic. Chon. Hist.*, p. 481 = ГИБН, XI, с. 26.

³⁹ *Nic. Chon. Hist.*, p. 485 = ГИБН, XI, с. 27; *Златарски В. Н.* История..., т. II, 413 и т. III, с. 119. Нет оснований, по-моему, отвергать достоверность рассказанного Никитой Хониатом эпизода о начале восстания в церкви св. Димитрия и считать, как полагает Малингудис (*Malingoudis Ph. Op. cit.*, S. 107 f.), что это вымысел византийского писателя и что единственно достоверным в его рассказе было, в сущ-

Как видно из приведенного рассказа, объявление восстания в Тырново произошло при большом стечении народа, среди которого были не только болгары, но и влахи. Патриотические, антиромейские настроения собравшихся в церкви людей были так сильны, что Никита Хониат, иронизируя, охарактеризовал их как «помешанных». При этом очевидно, что вся сцена разворачивалась под знаком и в духе христианского провиденциализма, который, как видно из анализа «Апокрифической летописи» и «Солунской легенды», очень подходил для борьбы против иноземной власти. Выразителем божьей воли был объявлен теперь Димитрий Солунский — святой, чье имя всегда было связано с защитой Солуни и вообще государства ромеев от различных его врагов, и прежде всего славян. Именно этот проромейский святой, который веками считался покровителем Византийской империи, по утверждению сторонников Петра и Асеня, оставил свой родной город, чтобы стать на сторону болгар и призвать их поднять оружие против ромеев. Несомненно, с психологической точки зрения это был очень удачный ход, который к сильному недовольству, вызванному введением налоговых тягот, прибавил еще один не менее сильный религиозный стимул, действовавший в том же направлении.

Когда точно было объявлено восстание, неизвестно. Согласно В. Златарскому и И. Дуйчеву, это произошло в ноябре 1185 г. Указанная датировка принята и авторами III тома «Истории Болгарии»⁴⁰. П. Мутафчиев, однако, относит начало восстания к лету 1186 г.⁴¹ Его точка зрения была подкреплена в последнее время новыми, дополнительными исследованиями произведений Никиты Хониата — главного источника, повествующего об этих событиях, — а также других источников⁴². Принятие более поздней даты означает, что необходимо пересмотреть и передатировать, в отдельных случаях на целый год позже, предлагаемую В. Златарским и И. Дуйчевым хронологию и последующих событий, связанных с ходом восстания, вплоть до его окончания.

Подобно движению Петра Деляна и Георгия Войтеха, восстание Асеньей носило с самого начала ясно выраженный политический характер: конечной целью его было восстановление болгарского государства. Отсюда вытекала необходимость избрания царя. Им был избран Петр, который, по словам Никиты Хониата, «увенчал свою голову золотым венцом, а на ноги надел и застегнул пурпурную обувь»⁴³. Вероятно, все это произошло в первые дни мятежа, а возможно, еще при объявлении восстания в церкви св. Димитрия.

Начавшееся с большим воодушевлением и, видимо, хорошо организованное восстание с первых дней приобрело широкий размах. Восставшие удачно действовали к северу от Стара-Планины, где согласно Никите Хониату, был захвачен ряд «местечек и поселений» (*χωμὸπέδων καὶ συγκτήσεων*)⁴⁴. Было предпринято наступление и на древнюю болгарскую столицу Преслав — город «очень старый, весь построенный из обожженного кирпича, большая часть которого окружена Гемом», как отмечает визан-

ности, описание нестинарских обычаев. Ср.: *Литаврин Г. Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. — ВВ, 1980, 41, с. 107.

⁴⁰ *Златарски В. Н.* История..., т. II, с. 440; *Дуйчев И.* Въстанието и неговата хронология..., с. 343 и след.; История на България, т. III, с. 119; *Литаврин Г. Г.* България и Византия..., с. 439.

⁴¹ *Мутафчиев П.* История на българския народ, т. II, с. 34. Ср.: *Vachmann M.* Die Rede des Johannes Syrrpulos an den Kaiser Isaak II Angelos (1185—1195) nebst Beiträgen zur Geschichte des Kaisers aus zeitgenössischen rethorischen Quellen. München, 1938, S. 108.

⁴² *Van Dielen J. A.* Niketas Choniates Erläuterungen..., S. 69. Необходимо отметить, что к 1186 г. начало восстания относит и Бранд (*Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. Cambridge, Mass., 1968) и что Ван Дитен подкрепляет и уточняет его точку зрения дополнительными соображениями. Датировку Ван Дитена принимают Малингудис (Op. cit., S. 113) и Г. Г. Литаврин (Новое исследование..., с. 102). Согласно с ней и Г. Цанкова-Петкова (България при Асеновци, с. 22; Она же. Към историята на въстанието през 1186—1187 г., с. 62 и след.).

⁴³ ГИВИ, XI, с. 27.

⁴⁴ ГИВИ, XI, с. 27.

тийский писатель. Восставшие не смогли им овладеть сразу, но, видимо, вскоре все же город этот пал. Ободренные достигнутыми успехами, завершив освобождение большей части Северо-Восточной Болгарии, Асень и Петр перенесли военные действия к югу от Стара-Планины, в приморскую Фракию, где недовольство византийской властью было очень сильным. Были взяты, как отмечает Хониат, и другие города, захвачено много волов и тяглогового скота, и много ромеев попало в плен.

Успешное и быстрое развитие восстания, охватившего за несколько месяцев почти всю фему Паристрион, а также часть приморской Фракии, объясняется, с одной стороны, умелым руководством Асенью и, с другой — массовым включением в борьбу за свержение византийской власти болгарского населения городов и сел. Болгары были основной движущей силой в предпринятых в широком масштабе военных действиях за освобождение поработенных областей к северу и югу от Стара-Планины. Что же касается влахов, которые присоединились к Асенью и Петру в начале восстания в Тырново и, вероятно, поддерживали его и в дальнейшем, то их роль была гораздо меньшей⁴⁵.

⁴⁵ Необходимо отметить, что неточность терминологии Никиты Хониата дала повод для неточной оценки некоторыми историками роли валашского элемента в восстании Асенью и восстановлении Второго Болгарского царства. Очевидно, что византийский писатель, проследивая ход событий с момента начала бунта до его завершения, называет восставших жителей Паристриона «влахами» и «мисами», не употребляя, хотя оно ему и известно, имени «болгары». Еще во вводной части, говоря о зарождении недовольства внеочередным налоговым обложением, он отмечает, что враждой против ромеев были охвачены «варвары у горы Гем, которые раньше назывались мисами, а теперь влахами» (*Nic. Chron. Hist.*, p. 482 = ГИБИ, XI, с. 26). «Болгарами» Хониат называет, как следует из двух мест его сочинения, болгарское население юго-западных областей (Македонии), а в рассказе о восстании Асенью он употребляет это название только при описании эпизода в церкви св. Димитрия, когда речь идет о том, что «бог даровал свободу болгарскому и владскому народу». Далее, однако, говоря о военных действиях Асенью и Петра и руководимого ими войска, он продолжает употреблять только названия «мисы» и «влахы». Эта особенность терминологии Хониата отличается от терминологии в сочинениях предшествующих ему византийских историков, таких, как Анна Комнина, Михаил Атталиат, Иоанн Скилица, Иоанн Занора, которые, что вполне понятно, знали и называли болгарями жителей фемы Паристрион. Отличается она и от терминологии, употребляемой последующими византийскими историографами — Георгием Пахимером, Георгием Акрополитом, Никифором Григорой и др. Даже почти полностью следующий за текстом Хониата византийский летописец Феодор Скутариот (вторая половина XIII в.) не переписывает дословно сказанное Хониатом, что против византийской власти поднялись «варвары у горы Гем, которые раньше назывались мисами, а теперь влахами», а считает необходимым добавить: «а теперь называются влахами и болгарами» (ср. соответствующий пассаж в издании: *Sathas K. Bibliotheca graeca medii aevi*. P., 1894, VII, p. 370 = ГИБИ, VIII, с. 243). Видимо, отсутствие имени «болгар» в этом важном вводном пассаже о начале бунта Асенью, завершившегося восстановлением болгарского государства, Феодор Скутариот считал просто абсурдом, и это заставило его в данном случае нарушить буквальное следование за оригиналом. Особенно ярко бросаются в глаза различия в терминологии сочинений Никиты Хониата и Георгия Акрополита, являющегося также одним из важных источников о восстании Петра и Асенью. В отличие от Хониата, который говорит только о «влахы» и «мисах», Георгий Акрополит, описывая те же события, употребляет исключительно такие названия, как «болгарская земля» (Ἡ Βουλγάρων χώρα), «болгарское племя» (τὸ δὲ Βουλγάρων φύλον), «болгары» (οἱ βούλγαροι), «болгарин» (βούλγαρος). Ср.: *Georg. Acropolitae Opera*, I, с. 18 = ГИБИ, VIII, с. 153. Нет сомнения, что Георгий Акрополит, живший в первой половине XIII в., современник болгарских правителей из династии Асенью, знал очень хорошо, какой народ восстал против византийского владычества и чье государство было освобождено. В этом смысле употребляемая им терминология вполне понятна и точна. Напротив, терминология Никиты Хониата страдает очевидной неточностью. Эту неточность уже отмечали исследователи. Можно установить, что в действительности название «влахы» у Хониата имеет двойное значение: оно употребляется, во-первых, в этническом смысле для обозначения действительно влахов как одного этноса, а, во-вторых, (и это в большинстве случаев), — как общее название для населения фемы Паристрион, т. е. преимущественно болгар, так как они составляли там основную часть населения. Более того, иногда «влахами» Хониат называет даже болгар юго-западных областей (Македонии). Ср., например, один приведенный им эпизод, в котором византийский император Василий II Болгаробойца выведен как покровитель «влахов» (*Nic. Chron. Hist.*, p. 487 = ГИБИ, XI, с. 29). Что касается имени «мисы», то это архаическое наименование, которое Никита Хониат, подобно другим византийским писателям,

Встревоженный развитием событий летом 1186 г., византийский император Исаак II Ангел выступил с большим войском против восставших болгар. «А те, — отмечает Никита Хониат, — заняли труднодоступные и непроходимые места и долго сопротивлялись». Речь идет, очевидно, о старопланинских проходах, которые были хорошо укреплены и упорно защищались. Воспользовавшись, однако, густым туманом, византийцы смогли тайно пробраться и появиться неожиданно в тылу у обороняющихся⁴⁶. Спустившись на равнину, они получили перевес, вероятно, благодаря лучшему вооружению, что дало им возможность стать хозяевами положения и восстановить византийскую власть в феме Паристрион. Было захвачено и Тырново, где, если судить по стихотворению византийского писателя Феодора Вальсамона, Исаак Ангел нашел доставленную из Солуни икону св. Димитрия и приказал вернуть ее⁴⁷. Этим поступком он хотел показать, что солунский святой, который, как утверждали восставшие болгары в духе христианского провиденциализма, перешел на их сторону, снова стал защитником ромеев, вернувшись в свой город. С уцелевшей частью повстанческой дружины Асень и Петр перешли Дунай и прибыли к жившим к северу от реки куманам. В свою очередь, Исаак II Ангел, «предав огню кучи хлеба» и обманутый просьбами уже подчиненного населения, решил вернуться обратно⁴⁸. Никита Хониат упрекает императора в том, что он не устроил дела в Мисии, как подобает, что не оставил гарнизоны в городах и не взял «заложниками наиболее видных из варваров»⁴⁹. Эти обвинения не совсем обоснованы, так как из так называемого «Известительного послания» явствует, что на оккупированной после его похода территории между Дунаем и Стара-Планиной был оставлен какой-то гарнизон⁵⁰.

Отход Асеня и Петра и их дружины за Дунай не означал провала восстания и конца задуманным планам. Напротив, это оказалось шагом к дальнейшим, и при этом еще более целенаправленным, действиям. Решив продолжать борьбу, братья вступили в переговоры с куманам, для того чтобы получить их поддержку в предстоящей новой фазе восстания. Петр, который вел переговоры, обещал, как говорится в «Известительном послании», что, если куманы поддержат его своими отрядами, они

употребляет для обозначения болгар на землях между Дунаем и Стара-Планиной, т. е. византийской фемы Паристрион. Ср. правильное определение значения имени «влахи» и «мысы» в сочинении Хониата в кн.: *Златарски В. Н. История...*, ч. II, с. 456, примеч. 3; *Лишев Ст.* Третий кръстоносен поход и българите. — *Известия на института за българска история*, 1957, VII, с. 226 и след.; *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963, S. 355; *Литаерин Г. Г. Болгария и Византия...*, с. 434; *Примов Б.* Създаването на Втората българска държава и участие то на власите, с. 27 и след.; *Malingoudis Ph.* Op. cit., S. 77. Ср.: *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеновци..., с. 26 и след. Она дает свое объяснение, почему Хониат воздерживался от употребления имени «болгары» и предпочитал заменять его «влахами».

⁴⁶ ГИБИ, XI, с. 28. Согласно В. Н. Златарскому (*История...*, т. II, с. 448), поход Исаака II Ангела состоялся в начале лета, в июне или июле, 1186 г. Такую же датировку принимает и И. Дуйчев (*Въстанието...*, с. 354). К лету 1186 г. относит это событие и Ван Дитен (с. 72 и след.). В отличие от В. Н. Златарского и И. Дуйчева, которые считают, что до похода Исаака II Ангела против восставших болгар посылались последовательно три раза византийские войска, возглавляемые соответственно севастократором, Иоанном, Иоанном Кантакузином и Алексеем Враной, Ван Дитен, следуя точно порядку событий, как он передан у Никиты Хониата, считает, что поход Исаака II Ангела был, в сущности, первым военным мероприятием против восстания Асеня и Петра, а походы упомянутых византийских полководцев состоялись позже, т. е. после возвращения братьев в Паристрион, когда они уже получили подкрепление в виде куманских отрядов. Хронология Ван Дитена, которая кажется более обоснованной, была принята Малингудисом (Op. cit., S. 114) и Г. Цанковой-Петковой (*България при Асеновци...*, с. 28 и след.).

⁴⁷ Ср.: *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие..., с. 51.

⁴⁸ *Nic. Chron. Hist.*, p. 487, 11—24 = ГИБИ, XI, с. 28. Сведения о походе Исаака II Ангела содержатся в похвальном слове брата Никиты Хониата — Михаила Хониата. Ср.: *Златарски В. Н. История...*, т. II, с. 448 и след.

⁴⁹ *Nic. Chron. Hist.*, p. 515 = ГИБИ, XI, с. 33.

⁵⁰ *Златарски В. Н. История...*, т. II, с. 455 и след. Новое издание послания см.: *V. Dieten J. A. Nicetae Choniatae Orationes et Epistula*. De Cruy ter, 1972.

будут легко проведены через горы Гема и, пройдя «труднодоступные теснины», смогут свободно нападать на страну ромеев, уничтожить посевы, грабить их имущество⁵¹. Вожди куманов, в планы которых входила не оккупация территорий к югу от Дуная, а только нападения с целью захвата добычи, приняли это предложение, и так, вероятно, осенью 1186 г. был заключен союз между ними и братьями Асенями. Начался второй, решающий этап восстания.

Вскоре после этого болгары и куманы перешли реку и вступили в Паристрион. Можно предположить, что они не только не встретили сопротивления со стороны придунайского пограничного населения, но, напротив, оно оказало им поддержку в дальнейших действиях. Вот как описывает повторное появление братьев Никита Хониат: «Варвары Асеня, перейдя Дунай и соединившись со скифами (куманами. — Д. А.), много союзного войска приведя оттуда, вернулись в свое отечество Мисию. Найдя ее свободной и покинутой ромейскими войсками они вступили в нее и еще более высокомерно, подобно легиону духов, соединились со скифским войском»⁵².

Наряду с куманами в качестве союзников Асени привлекли, когда еще находились в землях за Дунаем, и определенное число руссов из среды так называемых «бродников» (ἐκ βορδόνης) — воинственных дружин, действовавших в южнорусских степях. Это были именно те «тавроскифы» (γένος ταυροσκιφῶν), которые, по словам Никиты Хониата в его Похвальном слове Исааку II Ангелу, были «народом, очень привязанным к Асеню и помогавшим варварам у Гема»⁵³. «Тавроскифами» византийский писатель, как известно, всегда обозначал руссов, и нет оснований сомневаться, что и здесь это название относится к ним.

Возвращение Асений в Мисию не только означало возобновление военных действий против византийской власти, но и свидетельствовало о новых политических планах двух братьев. В то время как в первой фазе восстания они, как видно, собирались добиться освобождения только земель между Дунаем и Стара-Планиной, теперь их намерения уже простирались дальше и конечной их целью было восстановление болгарского государства в его прежних пределах, охватывавших гораздо большую территорию. В таком смысле необходимо толковать слова Хониата, который, сообщая о выступлении Асеня и Петра с куманскими войсками на юг от Дуная, отмечает, что братья не были бы удовлетворены, если бы смогли только спасти свое имущество и получить управление лишь одной Мисией, но они не останутся, пока не нанесут большого зла ромеям и не объединят управление мисами и болгарами, как это было раньше (... ὅθεν οὐκ ἠγάσων εἰ τὰ ἑαυτῶν ἔχουσι σώζειν καὶ τὴν τῆς Μυσίας μόνην περιβαλοῦνται τὸ πᾶρρησιν, ἀλλ' εἰ μὴ καὶ τὰ Ῥωμαίων μέγιστα βλάψουσι καὶ τὴν τῶν Μυσῶν καὶ τῶν Βουλγάρων δυναστείαν εἰς ἓν συνάψουσιν ὡς πάλαι ποτὲ ἦν, οὐδαμῶς ἠρείχοντο)⁵⁴. Под «мисами», как уже говорилось, у Хониата следует понимать жителей земель между Дунаем и Стара-Планиной, т. е. преимущественно болгарское население фемы Паристрион, а под болгарами — население юго-западных окраин (Македонии). Для осуществления своих более широких замыслов, отвечавших осо-

⁵¹ *Sathas K. Op. cit.*, I, p. 78.

⁵² *Nic. Chon. Hist.*, p. 488 = ГИБИ, XI, с. 28.

⁵³ *Успенский Ф. И.* Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, приложение № 3, с. 35—38. Автор первым высказал предположение об участии русских дружин в качестве союзников в восстании болгар. См. также: *Мутафчиев П.* Происходят ли Асеновци (= Избр., прозв., т. VI, с. 190); *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия..., с. 456, примеч. 80; *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеновци..., с. 27; *Павлов П.* Иван Русина — български военачалник и политически деец от първата половина на XIV в. — Известия на института за военна история, 1983, т. 36, с. 223; Ср.: *Malingoudis Ph. Op. cit.*, S. 135 f.: автор считает, что название «Бордоны» является топонимом, а под тавроскифами подразумеваются не русские, а куманы. Доводы Малингудиса не принял Г. Г. Литаврин (Новое исследование..., с. 110 и след.).

⁵⁴ *Nic. Chon. Hist.*, p. 488 = ГИБИ, XI, с. 28.

знанию болгарским народом его этно-территориального единства, сохраненному и в период иноземного владычества, сразу же после своего возвращения в Мисию Петр и Асень обратили свои взоры на юго-западные болгарские земли, чтобы и там разжечь огонь восстания. Они начали, как не без оснований допускает П. Мутафчиев, посылать туда небольшие отряды во главе с опытными воеводами и соратниками. Одним из таких отрядов руководил Добромир Хриз, бывший, возможно, болгарским болярином из Северной Болгарии; он возглавил дружину из 500 человек⁵⁵. О нем речь пойдет позже в связи с событиями, разыгравшимися во время византийской осады крепости Просек, находившейся в его руках. Можно, однако, предположить, что он отправился в Македонию еще осенью 1186 г., когда Асени начали осуществлять свои планы распространения повстанческого движения на всю территорию «болгарской земли».

Из «Известительного послания» видно, что вернувшиеся в Мисию руководители восстания за короткий период достигли больших успехов. Земли между Дунаем и Стара-Планиной были вновь освобождены от византийской власти. После чего военные действия были перенесены на юг от Стара-Планины. Перейдя Гем и не встретив серьезного сопротивления, тысячи куманов и болгар удержимо ринулись на равнину, нападая, по словам «Послания», на различные села, грабя, убивая и сжигая⁵⁶.

Встревоженный опасным развитием событий, Исаак II Ангел вновь должен был искать способ справиться со своими непокорными подданными. На этот раз, однако, он не решился сам отправиться в поход, а возложил командование направленным против повстанцев войском на своего дядю севастократора Иоанна. По словам Никиты Хониата, Иоанн повел действия успешно и сумел разбить напавшие на Фракию болгаро-куманские отряды. Но вскоре заподозренный в стремлении совершить переворот и захватить престол Иоанн был отстранен от должности⁵⁷.

Командование армией принял кесарь Иоанн Кантакузин, зять Исаака II Ангела, о котором было известно, что он обладает опытом в военном деле, и ожидалось, что он с успехом продолжит борьбу против восставших. Но эти надежды оказались напрасными. Однажды ночью, воспользовавшись недостаточной укрепленностью византийского лагеря и небдительностью охраны, болгары совершили неожиданно нападение, стремительно спустившись с горных склонов. В возникшей суматохе множество ромеев было убито, другие попали в плен и только малая часть сумела спастись. С трудом избежал плена и сам Иоанн Кантакузин, оставивший противнику свою палатку вместе с парадным одеянием⁵⁸. Раздраженный неудачей, Исаак II Ангел отстранил Иоанна Кантакузина и назначил главнокомандующим одного из самых известных в то время византийских полководцев Алексея Врану. Сего именем связывали решительную победу над норманнами осенью 1185 г., положившую конец их завоевательным устремлениям на территорию Византийской империи.

В первое время Алексей Врана вел военные действия против болгар успешно, но вскоре, увлеченный честолюбивыми помыслами, поднял

⁵⁵ Ср.: Мутафчиев П. Владетелите на Просек: Страници на историята на българите в края на XII и началото на XIII в. — Списание на българската академия на науките, 1913, кн. 1 (= Избрани произведения. С., 1973, т. 1, с. 185 и след.).

⁵⁶ Златарски В. Н. История..., т. II, с. 453.

⁵⁷ Nic. Chron. Hist., p. 489 = ГИБИ, XI, с. 29.

⁵⁸ Там же, с. 489—490. По мнению В. Н. Златарского (История..., т. II, с. 444), который считает, как уже говорилось, что походы византийских императоров против восставших болгар предшествовали походу Исаака II Ангела, поражение Иоанна Кантакузина и последовавшее затем назначение Алексея Враны главнокомандующим произошли поздней осенью 1185 г. По мнению И. Дуйчева (Въстанието..., с. 349), назначение севастократора Иоанна, поражение кесаря Иоанна Кантакузина и выступление Алексея Враны против восставших относятся, как можно заключить из всего хода событий, ко времени между концом ноября 1185 и февралем 1186 г. А по предположенной Ван Дитеном хронологии, которой мы в данном случае следуем, эти события произошли после возвращения Петра и Асени в Мисию, т. е. не раньше осени 1186 г.

бунт против Исаака II Ангела, провозгласил себя императором и двинулся с войском на Константинополь. Вспыхнула жестокая междоусобица, которая продолжалась примерно с конца марта по конец июня 1187 г. Ценой больших усилий Исааку II Ангелу удалось удержать власть и справиться с мятежником, который был убит. После подавления бунта Враны некоторые из его сторонников убежали к Петру и Асеню, но вскоре возвратились, воспользовавшись императорской грамотой, которой им была дарована амнистия.

Продолжение внутренних распрей в Византии пошло на пользу восстанию Асений. Они не только укрепили свое положение в освобожденных от византийской власти землях между Дунаем и Стара-Планиной, но и перешли к более решительным действиям во Фракии. И если раньше, как отмечает Никита Хониат, «мыслы» (т. е. болгары) продвигались только «по горам и холмам»⁵⁹, теперь они уже спокойно пересекали фракийскую низменность вместе со своими союзниками-куманами и опустошали там поселения. Они достигали даже Агафополя (совр. Ахтопол), так как никто их не мог остановить.

В создавшейся опасной обстановке Исаак II Ангел, подавив бунт Враны, был вынужден лично принять командование войском и попытаться изменить ход событий. Так, вероятно, осенью 1187 г. начался его второй поход против восставших болгар. Свою армию император разделил на две части. Одна часть была направлена для охраны прибрежных областей около Анхиала, а с другой сам Исаак II Ангел двинулся в направлении к Бору (Стара-Загора). После остановки в Таврокоме, небольшом поселении у Одрина, император продолжил свой поход и достиг Бастерны — поселения, расположенного между Ямболом и Елхово. Как только он выступил оттуда, ему стало известно, что неприятель, нагруженный большой добычей, находится поблизости. В последовавшем столкновении, которое произошло у крепости Лардея (неподалеку от Боруя), болгары и их куманские союзники применили свою обычную тактику: осыпав врага стрелами, они начали стремительно отходить, делая вид, что бегут. И когда ромеи пустились их преследовать, они повернулись внезапно «быстрее птиц, парящих в воздухе»⁶⁰ и вновь осыпали врага стрелами. В своем «Послании» Исаак II Ангел утверждает, что ромеи в конце концов одержали победу, но из дальнейшего хода событий видно, что фактически они не достигли особых успехов. Болгары и куманы продолжали действовать со своими отрядами во Фракии, быстро передвигаясь с места на место и нанося удары, при этом избегая прямых встреч с основным ядром византийской армии под командованием Исаака II Ангела. Когда император выступал против них, по словам Никиты Хониата, они сразу же отступали, перенося военные действия в другую, не защищенную ромеями область. Так, например, когда Исаак Ангел прибыл к Агафополю, которому угрожали куманы и болгары, те отошли на запад и напали на поселения около Филиппополя. «Когда же,— говорит Хониат,— он спешил к пострадавшему району, они вновь напали на те места, откуда император ушел. Так делал один из двух братьев — Асень, человек исключительно находчивый и способный найти спасительный выход в затруднительном положении»⁶¹.

Решив любой ценой справиться с восставшими болгарями, Исаак II Ангел задумал перенести военные действия на север от Стара-Планины. Отправившись от Филиппополя, он прибыл в Средец, так как слышал, что оттуда легче преодолеть старопланинские проходы. Наступившая, однако, суровая зима вынудила его отложить свои планы, и он вернулся в Константинополь⁶² (в декабре 1187 г.). Ранней весной следующего года, собрав большое войско, Исаак II Ангел снова отправился в западном направлении, перешел через старопланинский массив, вероятно, по Ет-

⁵⁹ *Nic. Chon. Hist.*, p. 515 = ГИБИ, XI, с. 33.

⁶⁰ *Nic. Chon. Hist.*, p. 518 = ГИБИ, XI, с. 34.

⁶¹ *Nic. Chon. Hist.*, p. 519 = ГИБИ, XI, с. 35.

⁶² *Nic. Chon. Hist.*, p. 520 = ГИБИ, XI, с. 35.

ропольскому проходу, и подошел к крепости Ловеч, охранявшей подступы к Тырново. Попытка взять город не имела успеха, и после трехмесячной осады император вынужден был отойти и прекратить дальнейшие действия. Из очень лаконичных свидетельств Никиты Хониата видно, что начались переговоры между двумя сторонами, во время которых самый младший из Асений — третий брат Калоян — должен был прибыть в Константинополь как заложник для соблюдения договора ⁶³.

Заключением мирного договора между Исааком Ангелом и Асением и Петром (вероятно, в начале лета 1187 г.) завершился первый и самый важный этап антивизантийского освободительного восстания ⁶⁴. После ряда сражений было восстановлено болгарское государство. Руководимый умело Асениями, проявившими исключительные военные и политические таланты, восставший болгарский народ добился того, чего не смогли осуществить предшествовавшие поколения, несмотря на неоднократные попытки. Пришел конец иноземному владычеству, которое почти два столетия препятствовало нормальному общественно-политическому и культурному развитию болгарского народа.

Центром восстановленного болгарского государства был объявлен Тырновград, где был дан первый сигнал к бунту и откуда вышли первые повстанческие отряды. Именно там вскоре после заключения мира в Ловече был избран царем болгар Асень, особо отличившийся умелыми действиями в войне с Византией. Титул царя, данный ему еще в начале восстания, сохранил и Петр. Получилось своего рода двоевластие, при котором верховная власть над большей частью территории Болгарии принадлежала Асеню, а Петру осталась меньшая область в северо-восточных болгарских землях с центром в Преславе ⁶⁵.

Тырново стало центром и вновь восстановленной болгарской церкви. Ее главой, вероятно, к этому же времени был избран митрополит Василий, получивший сан архиепископа. Избрание Василия отвечало обычной для средневековых представлений традиции, согласно которой государство, чтобы считаться полностью самостоятельным, должно было иметь не только светского, но церковного главу.

Трудно с точностью определить границы восстановленного государства из-за отсутствия достаточных данных. Вероятно, в его пределы входила вся Северная Болгария от западной части Стара-Планины до Черного моря вместе с Добруджей. В руках византийцев некоторое время оставался только город Варна. К югу от Стара-Планины от византийской власти была освобождена Загора в Северо-Восточной Фракии, а над остальными фракийскими областями константинопольские правители сохранили свое господство. Под византийской властью оставались и юго-западные болгарские области, где продолжал действовать Добромир Хриз ⁶⁶. В целом же миром 1188 г. освободительное дело Асений не было завершено. Болгарское государство было восстановлено, но все еще в очень ограниченных пределах, которые далеко не соответствовали той территории, которую на протяжении веков болгары воспринимали как свою родную землю. Предстояла новая борьба для окончательного свержения иноземного господства и объединения всех болгарских областей вокруг естественного этнического и политического центра. Эту задачу продолжали выполнять Петр и Асень в последующие годы, а успешное ее завершение приходится на царствование Калояна (1197—1207) и Ивана Асеня II (1218—1241).

⁶³ *Nic. Chon. Hist.*, p. 521 = ГИБИ, XI, с. 36.

⁶⁴ Г. Цанкова-Петкова (България при Асеновци... с. 33) придерживается хронологии, данной В. Дитеном. Согласно В. Н. Златарскому (История..., т. II, с. 468), заключение мирного договора произошло в 1187 г. Так принято и в кн.: История на България, т. III, с. 124.

⁶⁵ История на България, т. III, с. 124.

⁶⁶ Там же: Цанкова-Петкова Г. България при Асеновци..., с. 33 и след.